

целое, встречаются во всех жанрах и видах русского фольклора от древнейших записей (XVII в.) до настоящего времени. Все категории речи (существительные, прилагательные, глаголы, причастия, наречия, предлоги) выступают в определенных случаях в синонимических парах, но наибольшее количество их дают глаголы и существительные.

Основанием для сочетания синонимов служит совпадение значения, определяющее как подбор слов и сочетаний, так и стилистическую функцию их, которая заключается в усилении, уточнении значения (а не в создании „нового значения“).

Анализ парных сочетаний синонимов обнаруживает, что количество их лексически ограничено, причем ограничение это обусловлено самим принципом, лежащим в основе сочетания — обязательным совпадением значения компонентов. Можно наметить несколько категорий синонимов, которые образуют сочетания.

1) Слова, совпадающие в своем значении в языке в целом (как в литературном языке, так и в диалектах), например: гляжу-смотрю, говорит-молвит, знаю-ведаю, очи-глаза, правда-истина, крюки-багры, холост-неженат и т. д.¹

¹ Предлагаемое деление синонимических пар на группы довольно относительно в отношении состава каждой из этих групп (но не категорий слов, которые их образуют), так как в работе привлекаются записи от XVII до XX в. включительно. Лексический состав, границы, отношение литературного языка к диалектам различно на протяжении тех трех веков, которые охватываются в работе, а история лексики русского литературного языка совершенно не исследована, поэтому автору приходилось опираться только на имеющиеся словари, отчасти на картотеку Исторического словаря Академии Наук, на различные диалектологические записи и материалы. В отношении почти каждого сочетания необходимо решать вопрос отдельно. Чрезвычайно трудно, а иногда невозможно определить стилистические границы слова в литературном языке в особенности для XVII и XVIII вв., тем более трудно сделать это в языке устной поэзии и диалектах. Если, например, в современном литературном языке „гляжу“ - „смотрю“ не только полностью совпадают в своем значении (в данном употреблении), но и стилистически почти не различаются (см. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, М., 1940, стр. 308. „Смотреть“ — то же, что глядеть в 1-м значении, но более свойственно собственно литературной речи), то сочетания „знать-ведать“, „очи-глаза“, состоят из слов, различных по стилистическому употреблению: „ведать“ — архаизм („книжн. устар.“ по характеристике Толкового словаря Д. Н. Ушакова), „око“ — архаизм („старинн. редко“ — там же), иную картину получим в северных говорах, где слово „ведать“ встречается очень часто, а „око“, „очи“ представляет собой лексическую норму, наряду с „глаза“ — словом относительно новым. Поэтому для текстов устной поэзии, которые привлечены в работе (почти все тексты, за единичными исключениями для XVII в., представляют собой записи в области севернорусских говоров: Сборник Кирши Данилова по своей лексике и художественной манере также почти полностью лежит в северной традиции), сочетания „очи-глаза“, „знаю-ведаю“, „говорит-молвит“, „говорит-промолвит“ несомненно принадлежат к первой категории. Значительно сложнее решить вопрос о том, в какую группу отнести, например, сочетания „колыбель-люлька“ (XVIII в.), „скоро-борзо“ (XVII в.) („скоро-борзо скидывал сь себя платье посолское“). Если бы это сочетание встретилось в записях XX и даже XIX вв., у нас были бы основания отнести его в группу, где одним из компонентов является архаизм, слово,